

Образъ Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа, какъ учителя.

I. Ревностный проповѣдникъ, желающій свято исполнять высокій долгъ пастырскаго учительства, находитъ для себя много побужденій обращаться мыслию къ дѣятельности великихъ представителей церковнаго учительства и изучать оставленные ими памятники сильнаго и вліятельнаго слова. Эти памятники даютъ ему наглядные уроки и образцы для плодотворнаго дѣйствованія въ своей сферѣ, и часто, въ особенности въ минуты безпокойства о безсиліи проповѣднаго слова, служатъ ободреніемъ и укрѣпленіемъ ослабѣвающей ревности въ исполненіи святаго дѣла. Но если поучительная исторія обыкновенныхъ проповѣдниковъ слова Божія, если и въ ихъ дѣятельности и писаніяхъ есть много ободряющаго и наставляющаго, то тѣмъ съ большимъ вниманіемъ и надеждою дѣятелю церковнаго слова должно обращаться къ божественному учительству Господа и Спасителя нашего, Начальника всѣхъ проповѣдниковъ слова Божія, хотя не достижимаго для насъ въ своей высотѣ, но оставившаго намъ образъ, да послѣдуемъ стопамъ Его, и желаннаго, чтобы всѣ служители Церкви были такими же, каковы былъ Онъ въ своемъ служеніи. Здѣсь, въ словѣ и дѣятельности божественнаго Учителя, верховнаго Начальника и Основателя Церкви, высочайшій образецъ, къ которому должны приближаться и гото-

рымъ должны повѣряться слово и дѣятельность всѣхъ, призванныхъ къ церковному учительству; здѣсь высшая сила, которая можетъ поддержать и укрѣпить слабыя силы обыкновеннаго учителя при исполненіи имъ своего долга; здѣсь, въ чистѣйшемъ, совершенномъ и необъятно-широкомъ проявленіи учительной силы, не только источникъ истины въ ея содержаніи, но и наставительное руководство въ способѣ раскрытія и сообщенія этой истины народу, показывающее, какъ нужно вести дѣло Божіе, дѣло церковно-общественнаго назиданія, для успѣшнѣйшаго достиженія его цѣлей. Потому учителю Церкви, ищущему образцовъ своего служенія, нельзя обойти своимъ вниманіемъ высочайшаго Учителя Церкви и всего міра, напротивъ съ Него онъ долженъ начинать свое самообразование въ проповѣдника вѣры по живымъ историческимъ образцамъ и примѣрамъ. Если мы можемъ думать о полной исторіи проповѣдничества, то намъ кажется, что первымъ исходнымъ пунктомъ ея мы должны поставить обзорѣніе учительной практики Перво-основателя христіанской проповѣди, посланнаго апостоловъ, а въ лицѣ ихъ и ихъ преемниковъ, проповѣдывать Евангеліе всей твари. Къ этой практикѣ, въ видахъ собственнаго наученія, принимали самые замѣчательные служители церковнаго слова. На основаніи ея иные пытались составить евангельскую гомилетику, извлекающую всѣ правила касательно проповѣдничества изъ наставленій и живаго образца божественнаго Учителя.

Служеніе Господа Іисуса Христа роду человѣческому было самое разнообразное; оно въ нашихъ догматикахъ сводится къ тремъ видамъ: учительскому, царскому и первосвященническому. Учительное служеніе, между этими родами служенія Спасителя, не занимаетъ подчиненнаго мѣста, а является на болѣе видномъ планѣ. Для своихъ современниковъ Господь Іисусъ Христосъ былъ не чѣмъ инымъ, какъ

общественнымъ учителемъ, и Его не одни ученики, но и весь народъ называлъ именемъ *Равви* или *Раввуни*, означающимъ учителя. Его ходатайственное, посредническое служеніе больше поставляетъ Его предъ судомъ правды Божіей, чѣмъ предъ нашею слабостію. Для насъ, для нашего глаза Онъ перифе всего Учитель. На это указываетъ самъ Спаситель, когда опредѣляетъ свою существенную дѣятельность. *Азъ есмь истина* (говорить Онъ), *и на сіе родихся, да свидѣтельствую истину.* (Іоан. XVIII, 37). Въ теченіе трехъ съ половиною лѣтъ своего общественнаго служенія, Онъ постоянно бесѣдовалъ съ народомъ, постоянно училъ его тайнамъ царствія Божія, и при этомъ не разъ указывалъ на то, что Онъ пришелъ для этого ученія, для постоянной проповѣди народу. Такъ, когда Онъ училъ на сонмищѣ въ Капернаумѣ, и народъ удерживалъ Его, чтобы Онъ не отходилъ отъ него, Спаситель сказалъ, что *и другимъ градовомъ благовѣстити Ми подобаетъ царствіе Божіе: яко на се посланъ есмь* (Лук. IV, 43). *Идемъ въ ближнія веси и грады* (говорилъ Онъ ученикамъ своимъ), *да и тамо проповѣмъ: на сіе бо изыдохъ* (Марк. I, 38). Новое благодатное царство устроялъ на землѣ пришедшій съ неба Спаситель нашъ, и средствомъ устроенія этого царства было слово ученія и убѣжденія. Новое царство Божіе, устроенное Спасителемъ, не состояло во внѣшнихъ учрежденіяхъ; оно было не отъ міра сего, и основывалось и утверждалось въ умахъ и сердцахъ людей, принимавшихъ слово Божіе. Царству духа чужды были всѣ внѣшнія насильственные средства покоренія людей; *вси пріемшии ножъ, говорилъ Спаситель, ножемъ погибнуть* (Матѣ. XXVI, 52). Господь, устранявшій всякое видимое господствованіе надъ людьми, подчинялъ Себѣ сердца людей самымъ духовнѣйшимъ оружіемъ, направленнымъ прямо къ свободѣ и внутреннему челоѣку,—именно своею всесильною, но никого не насилующею проповѣдію. Эта про-

повѣдь клала въ почву человѣчества сѣмена новыхъ началъ жизни, и создавала новый родъ, людей обновленія, которые внутреннимъ образомъ подчиняли себя всѣмъ требованіямъ новаго царства, не нарушая внѣшнихъ учрежденій, обставляющихъ ихъ общественную жизнь. Это подчиненіе себя людей силою убѣжденія—подчиненіе самое глубокое и твердое, побѣда, не сопровождаемая громомъ и потрясеніями, но по своимъ плодамъ и слѣдствіямъ болѣе важная, чѣмъ всѣ кровавыя и громкія побѣды. Враги, съ которыми долженъ былъ бороться Основатель новаго царства на землѣ, были не плотской природы: эти враги были невѣріе и суетвѣріе, разные виды заблужденія, разные степени нравственнаго растлѣнія. Порабощенное имъ человѣчество Спаситель велъ отъ рабства къ свободѣ словомъ и ученіемъ, и этимъ путемъ указалъ идти всѣмъ своимъ послѣдователямъ. На этомъ словѣ и ученіи опирается сила христіанства, и имъ она распространяется. Отъ перваго явленія божественнаго Учителя и до нашихъ временъ тянется длинный рядъ освященныхъ и избранныхъ учителей церкви, и въ ихъ ученіи раскрывается непрерываемая основа чистаго сознанія и чистой жизни. Не разъ, при основаніи своей церкви словомъ истины, Спаситель творилъ чудеса и ими подтверждалъ божественную истину своего слова и ученія. Но чудеса были временныя, а не постоянныя выраженія насаждающей силы христіанства: ими Господь дѣйствовалъ на чувственные сердца, пролагая путь къ нимъ неяснымъ для нихъ тайнамъ царствія небснаго. Чудеса были какъ бы внѣшнимъ нагляднымъ доказательствомъ того, что не понятно было для загрубѣлаго духа въ своей непосредственной чистотѣ и святости, и имѣли значеніе сильныхъ призываній или понужденій къ слушанію божественнаго слова и къ вступленію въ святилище истины. При нихъ и послѣ нихъ, для созданія и утвержденія новыхъ убѣжденій, для вкорененія новыхъ началъ

и правилъ жизни, нужно было разъясняющее учительное слово, и оно, его святое содержаніе было тѣмъ сокровищемъ, къ которому вели и на которое указывали знаменія земли и неба, творимыя чудодѣйственною рукою Божіею. Потому даръ чудесъ Господь только изрѣдка и немногимъ сообщалъ въ теченіи многовѣковой жизни церкви, а ученіе, проповѣдь Онъ поставилъ обязанностію для всѣхъ временъ и всѣхъ странъ, повѣлѣвши апостоламъ и ихъ преемникамъ идти въ міръ весь и проповѣдывать Евангеліе всей твари.

II. Начертать образъ великаго Учителя Господа Иисуса Христа чрезвычайно трудно,—трудно потому, что въ Его ученіи, способѣ его раскрытія и сообщенія нѣтъ ничего исключительнаго и частнаго. У Него не было какого нибудь опредѣленнаго направленія, по которому бы Онъ стоялъ въ параллели съ другими дѣателями слова и ученія. Въ Немъ вы видите полноту человѣческаго выраженія, совмѣщеніе всего, что только можетъ носить человѣкъ-учитель. Когда судятъ о другихъ обыкновенныхъ дѣателяхъ слова, въ нихъ замѣчаютъ или высоту созерцанія, какъ преобладающую отличительную черту, или глубину мысли, или ясность и свѣтлость сужденій, или сильное воображеніе, или пылкое чувство, или мастерское изложеніе, замѣчаютъ ошибки, большую или меньшую степень приближенія къ идеалу, въ одномъ находятъ строгость ученія и энергію мысли и слова, въ другомъ мягкость любви и нѣжность пастырскаго назиданія, и многое тому подобное. Здѣсь, въ лицѣ и дѣятельности божественнаго Учителя, полное всеобъемлющее совершенство,—безпредѣльное море, въ которомъ слиты всѣ отдѣльныя человѣческія совершенства, всѣ достойныя опредѣленныя направленія. Ручьи и рѣки, даже самыя большія, теряютъ свою характерную опредѣленность и все частное разнообразіе своего вида и теченія, когда вливаются

въ океанъ. Океанъ представляетъ изъ себя необъятную цѣлость, и намъ, привыкшимъ къ мелкимъ характернымъ явленіямъ, трудно уловить существеннѣйшія черты необъятнаго предмета: нашъ взоръ теряется въ видимомъ какъ бы безразличіи слившихся частныхъ и не можетъ вдругъ скоро и легко оцѣнить единое, поглотившее собою многое, и побѣждающее всякія тѣсныя очертанія. Тутъ все есть, чего вы ни пожелаете отъ учителя. Глубина мысли, высота созерцаній соединяется съ самою высшею ясностію и простотою: въ устахъ Господа Иисуса Христа великая мысль дѣлается понятною людямъ малымъ и неученымъ. Невидимому, слышится неизысканная обыкновенная рѣчь; но подъ покровомъ этой рѣчи открывается такая высокая истина, какою не могли овладѣть самые избранные умы въ теченіе многихъ трудовыхъ вѣковъ: небесное величіе является въ прозрачныхъ формахъ, доступныхъ для человѣческаго созерцанія. Въ ученіи Спасителя проповѣдуется нравственность самая святая и строгая; но при этой строгости нѣтъ ничего суроваго, подавляющаго человѣческія силы и устрашающаго человѣческое сердце; при божественной святости полная человѣчность проповѣдуемой заповѣди, вызывающая человѣка на указанный ему и доступный ему нравственный подвигъ. Въ рѣчи и мысли полное царственное самообладаніе, присутствіе духа, не знавшаго никакихъ замѣшательствъ, никакихъ колебаній, и въ то же время гибкость, по которой сильный и твердый духъ умѣлъ подчиняться обстоятельствамъ и разумѣнію людей, въ видахъ приближенія къ нимъ истины, безъ малѣйшаго нарушенія ея цѣлости и чистоты. Если вы любите и цѣните логическую силу мысли, вы найдете здѣсь силлогистику, побѣдоносно и безъ всякаго напряженія отражавшую всѣ нападенія и всѣ извороты изысканныхъ злоумышленій,—и ничего школьнаго, ни малѣйшей тѣни педантизма. Доброта, снисходительность, мягкость слова

и вмѣстѣ съ этимъ ревность по славѣ Божіей и строгость обличенія переливаются между собою и даютъ полный гармоническій аккордъ теченію божественной рѣчи. Съ книжниками и фарисеями, съ народомъ, съ учениками божественный Учитель всегда равно недосыгаемо высокъ, равно простъ, всегда привлекателенъ, всегда силенъ. Онъ какъ будто неученый, а между тѣмъ владѣетъ знаніемъ природы, людей и писаній лучше всѣхъ книжниковъ, вмѣстѣ взятыхъ. Много было ораторовъ и учителей въ мірѣ, но каждый изъ нихъ осуществляетъ и выражаетъ собою одну какую либо черту или идею. Въ ветхозавѣтной церкви чтились по преимуществу два великіе пророка,—строгій, неумолимый ревнитель славы Божіей Ілія и мягкій, полный нѣжной любви и меланхоли Іеремія. Но если мы соединимъ ихъ вмѣстѣ, если прибавимъ къ ихъ чертамъ черты другихъ пророковъ и дѣятелей слова, мы не получимъ еще полного образа, какой составляетъ изъ разнообразнаго проявленія учительской дѣятельности Господа и Спасителя нашего.

Когда мы судимъ объ этой учительной дѣятельности Господа Іисуса Христа съ гомилетической точки зрѣнія, мы должны обращать вниманіе не на божественное посланничество Его и чрезвычайное служеніе, даже не на необычайное величіе духовной силы, какое проявлялъ Онъ въ своемъ словѣ и какое отличало Его отъ всѣхъ людей. Съ благоговѣніемъ покланяясь недосыгаемому величію славы и силы Божіей, мы должны выискивать въ чертахъ этого величія то, что можетъ быть назидательно и поучительно для насъ, что приложимо къ нашей практикѣ. Человѣческихъ средствъ наученія и убѣжденія не отвергалъ тотъ, кто повелѣвалъ стихіями, когда обращался къ свободному разумѣнію чловѣка; напротивъ Онъ избиралъ обыкновенные пути, прилагалъ къ дѣлу обычныя средства и приемы, когда звалъ людей въ свое новое благодатное царство.

Обыкновеннаго наблюдателя въ образѣ ученія нашего Спасителя прежде всего поражаетъ отсутствіе предначертанной системы, отсутствіе принятой регулы въ употребленіи формъ выраженія. Ученіе Господа Иисуса Христа незамѣтно является предъ людьми на почвѣ свободного, открытаго, общественнаго слова, и на этой почвѣ развивается безъ тѣхъ видимыхъ напряженій, какія дѣластъ человѣкъ школы или системы, старающійся проводить въ жизнь свои начала и воззрѣнія. Напряженіе—натуга силы, какъ-бы неуверенной въ себѣ, изысканное собраніе всѣхъ средствъ, находящихся въ ея владѣніи, для произведенія нужнаго дѣйствія; но всемогущій духъ Богочеловѣка легко совершалъ то, что надламывало силы человѣческія. Всякая система была бы стѣсненіемъ для той полной истины, которую Онъ хотѣлъ вложить въ человечество, и которую Онъ поручилъ раскрывать и усвоить послѣдующимъ родамъ и поколѣніямъ. Школьныя регулы, ученныя формулы не гармонировали съ Его общественнымъ, свободнымъ, народнымъ направленіемъ. Слово Спасителя, по Его собственному опредѣленію, было духъ и жизнь, которыхъ нельзя заключить въ тѣсныя рамки и подчинить видимымъ очертаніямъ. Духъ и жизнь выражаются въ словѣ, но не обнимаются имъ вполне. Дѣйствуя на умъ и сердце, они пробуждаютъ въ немъ много спящихъ ростковъ, открываютъ безконечную перспективу, даютъ чувствовать много новаго, но всей широты этого новаго не раскрываютъ прямо предъ умственнымъ глазомъ слушателя. Спаситель самъ сравниваетъ свое слово съ сѣменемъ, которое кладется въ землю и потомъ, при стеченіи такихъ или другихъ условій, или вырастаетъ въ огромное дерево, или разлѣвается вѣтромъ, или пожирается птицами, или засыхаетъ отъ недостатка влаги въ почвѣ. Для созданія и укрѣпленія новаго нравственно-духовнаго строя жизни одинаково служили и одинаково дости-

гали цѣли, во время общественнаго служенія Спасителя, какъ краткія замѣчанія, брошенныя по случаю, такъ и длинныя нарочитыя рѣчи. Какъ будто ведется рѣчь обыкновенная, высказывается дѣло обыденное, но слагайте все вмѣстѣ, и вы увидите въ этомъ обыкновенномъ чудную красоту, выше-человѣческое величіе, и полноту частныхъ, направленныхъ къ одной цѣли и увлекающихъ внимательныя души къ тому благу, котораго такъ желалъ людямъ божественный Учитель. Есть общее цѣльное впечатлѣніе отъ ученія и учительства Господа Іисуса Христа; но это цѣльное общее впечатлѣніе складается изъ безконечнаго множества частныхъ наставленій, вызванныхъ изъ устъ Спасителя тамъ и сямъ, по такому или другому случаю, при такомъ или другомъ обществѣ.

Евангеліе, характеризую образъ ученія Спасителя, указываетъ двѣ общія черты, опредѣляющія сущность впечатлѣнія, производимаго имъ на слушателей. Въ Его словѣ, при обыкновенной простотѣ, чулась всею съ одной стороны необыкновенная властная божественная сила, съ другой необыкновенная благодатная сладость, размягчающая и привлекающая сердца. Народъ, въ первый разъ слышавшій бесѣду Спасителя, по замѣчанію евангелистовъ, дивился ученію Его, и это удивленіе, простиравшееся иногда до ужаса (Лук. IV, 32), они объясняютъ тѣмъ, что слово Его было слово со властію, что Онъ училъ народъ, какъ власть имѣющій, а не какъ книжники и фарисеи. Такое замѣчаніе о поражающемъ дѣйствіи учительнаго слова Христова евангелисты дѣлаютъ тогда, когда хотятъ передать о томъ, какъ отзывалось оно въ сердцахъ людей на первыхъ порахъ своего появленія (у евангелиста Матфея послѣ передачи нагорной бесѣды, VII, 29, у Марка I, 22, и Луки IV, 32, при извѣстіяхъ о первомъ откровеніи Его ученія въ синагогѣ капернаумской въ субботніе дни). Но эта поражающая

царственная власть божественнаго слова не уменьшилась и тогда, когда народъ освоился съ необыкновеннымъ явленіемъ въ области слова и ученія. Не новость этого явленія поразила его, не какой нибудь ви́шній блескъ, къ которому можно привыкнуть, и который по мѣрѣ привычки теряетъ свое обаяніе, а полнота внутренняго духа, проникнутаго всепобѣждающею правдою Божіею и умѣющаго прямо представлять предъ глаза человѣка то, что въ ней есть наиболѣе дѣйствительнаго. При этой полнотѣ духа правды, слово всегда ново, даже и тогда, когда оно раскрываетъ старыя истины, всегда крѣпко, всегда сильно дѣйствовать, по выраженію апостола, до раздѣленія души и духа, членовъ и мозговъ. Отъ того удивленіе, разъ возбужденное словомъ Спасителя, не улегалось, а возрастало въ народѣ, по мѣрѣ большаго ознакомленія его съ новымъ учителемъ и новымъ ученіемъ (Матѣ. XXII, 33; Іоан. VII, 12—15). Отъ того постоянно народъ окружаетъ Его, ловя каждое Его слово, каждое Его замѣчаніе. Отъ того начавшіе слушать Его забываютъ свои дѣла житейскія, забываютъ иногда насущныя потребности тѣлесныя и идутъ въ слѣдъ за Учителемъ въ пустыню, гдѣ нѣтъ ни хлѣба, ни воды; невольно поддаваясь всеувлекающему дѣйствию властнаго слова: душа какъ магнитъ притягивается къ другому сильнѣйшему магниту и отдаетъ себя ему въ полное распоряженіе (Матѣ. IV, 18—22, XIV, 13—22, XV, 32—39). Разъ послали фарисеи и архіереи іудейскіе служителей взять Господа Іисуса, когда Онъ во время праздника кушечей училъ народъ во храмѣ іерусалимскомъ: но тѣ рѣшительно не могли исполнить повелѣнія своихъ начальниковъ. Когда же эти начальники выговаривали своимъ слугамъ за то, что они не исполнили ихъ повелѣнія, слуги въ свое оправданіе отвѣчали: *никогдаже тако есть глаголахъ человекъ, яко сей человекъ* (Іоан. VII, 46). Власть учительнаго слова подчинила

*

себѣ волю исполнителей чужихъ приказаній, побуждаемыхъ къ тому страхомъ и отвѣтственностію; пораженные могучимъ словомъ Учителя, не облеченнаго никакою виѣщею властію, они, слушая Его, забыли то, за чѣмъ пришли, забыли страхъ и послѣдствія неисполненія приказаній своихъ господъ, и предстали предъ глаза ихъ съ пустыми руками, приводя въ свое оправданіе одно указаніе на невиданную и неслыханную силу слова того Учителя, котораго поручено было схватить имъ. — Самаряне предубѣждены были противъ іудеевъ и іудейскихъ учителей, и не хотѣли имѣть съ ними общенія; но когда увидали въ своемъ городѣ Господа Іисуса и услышали Его рѣчь, они просили Его побыть у нихъ нѣсколько дней, и съ вѣрою, покорностію и услажденіемъ внимали Его ученію (Іоан. IV, 39—42). Женѣ самарянкѣ открылъ прежде другихъ въ городѣ самарійскомъ свое божественное посланничество Господь Іисусъ Христосъ, и она извѣстила своихъ согражданъ о пришествіи къ нимъ необыкновеннаго человѣка, приглашая ихъ пойти посмотрѣть и послушать его. Но когда они услышали ученіе этого необыкновеннаго Человѣка, они говорили женѣ той: *уже не по твоимъ рѣчамъ орудемъ; ибо сами слышали и узнали, что Онъ истинный Спаситель міра, Христосъ* (Іоан. IV, 42).

Слово власти, покоряющее сердца, въ устахъ Спасителя не было словомъ суровымъ и подавляющимъ; строгость и сила не была его единственнымъ и исключительнымъ свойствомъ. Въ своемъ теченіи и развитіи оно было сколько словомъ всепобѣждающей правды, столько же словомъ привлекающей любви, и власть, сила его постоянно и неразрывно соединялись съ мягкостію любви, даяющей особенную сладость и прелесть рѣчи. Евангелисты, выставившіе на видъ силу властнаго слова Христова, почерпаемую въ глубокихъ тайникахъ истины, куда проникать легко свѣтлый взоръ Богочеловѣка,

не опустили изъ вниманія и этого другаго свойства. *Дивляхуся вси* (говорить евангелистъ Лука) *о словесехъ благодати, исходящихъ изъ устъ Его, и глаголаху: не сей ли есть сынъ Иосифовъ* (Лук. IV, 22)? Слово *благодать* (греч. χάρις), приложенное къ рѣчи, выражаетъ собою необыкновенную пріятность рѣчи, улаждающую сердца слушателей. Эта пріятность рѣчи условливалась сколько содержаніемъ ея, столько же, если не болѣе, ея тономъ и складомъ; здѣсь все опредѣляютъ собою душа говорящаго, ея настроеніе и достоинство. Путемъ долгаго изученія люди стараются пріобрѣсть силу краснорѣчія, чарующаго умы, и внѣшнее достоинство слова обыкновенно является плодомъ опыта и упражненія. Чувствовали слышавшіе слово Спасителя, что говорившій исполнѣ владѣть тайнами искусства, не легко достающагося многимъ и послѣ долгихъ лѣтъ изученія и упражненія; они хотѣли бы предполагать здѣсь дѣйствіе и плоды долгихъ изученій. Но, зная говорившаго, они терялись въ недоумѣніяхъ о причинѣ явленія у Него великой благодати слова, и спрашивали другъ у друга: откуда Ему эта увлекающая благодатная сила слова? *Не сей ли есть сынъ тектоновъ?* И какъ безъ науки, безъ школьнаго упражненія Онъ дошелъ до такой высоты, до такого совершенства въ словѣ и ученіи? Между тѣмъ напрасны и излишни были всѣ обыкновенныя предположенія и объясненія, при мысли о явленіи словъ благодати, исходящихъ изъ устъ Спасителя. Эти слова благодати не были плодомъ искусства; отъ нихъ не вѣяло воздухомъ школы; въ нихъ не видно было того напряженія, того потоваго труда, которымъ достигается побѣда и совершенство слова людьми ораторской профессіи. Величіе божественной любви, не связанной никакими правилами, проникая слово, создавало и открывало въ немъ небывалую сладость и благодать: то былъ голосъ глубокой неслезанной симпатіи къ человѣку и человѣчеству, его нуждамъ,

бѣдамъ и страданіямъ, и подъ дѣйствіемъ этого голоса невольно размягчались самыя ожесточенныя сердца, слышавшія слово благодати. Эта любовь извлекала изъ глубины божественной души трогательныя тоны, задѣвающие за сердце слушателя; она сводила рѣчь на предметы и интересы, наиболѣе близкіе и дорогіе слушателямъ; она указывала въ нихъ стороны, которыхъ до того напрасно искала отуманенная мысль народа; она благоуханіемъ своей святости приправляла простое волнующееся слово; она, устраняя все, рассчитанное на внѣшній эффектъ, все, ошеломляющее слухъ и приковывающее вниманіе къ одной поверхности слова, говорила прямо сердцу, и за внѣшнимъ покровомъ слова давала отгадывать каждому тайну своего созидающаго и побѣждающаго могущества. Изъ любви божественной души возникала творческая сила, которая простому орудію человѣческой мысли и сообщенія—языку давала высшее совершенство, недостижимое для обыкновенныхъ усилій, и облекала его такимъ могуществомъ и сладостію, что ему не могли противостать и тѣ, которые желали бы признать его несовершенства и слабости. Языкъ сердца и любви, въ устахъ Богочеловѣка, являлся слаще меда и сота, чище и выше самыхъ совершенныхъ произведеній человѣческаго искусства. Потому постоянно хотѣли бы слушать его благочестивыя души, и никогда не могли наслушаться.

III. Можетъ быть, не ясны подобныя опредѣленія, данныя нами на основаніи евангельскихъ указаній. Но если нужны дальнѣйшія разъясненія, мы не рѣшаемся для нихъ обсуждаемый нами предметъ подводить подъ логическія понятія, дѣленія и формулы, и желали бы припомнить слова самого Господа, сюда относящіяся, и ими указать характеръ и свойства его учительской методы. Не много этихъ словъ, и не

нарочито въ нихъ опредѣлялъ Господь нашъ образъ и свойства своей учительной дѣятельности, но ими и при этомъ лучше и вѣрнѣе можно надѣяться высказать сущность дѣла, чѣмъ побочными соображеніями, основанными на синтезѣ разсѣянныхъ частностей.

Путемъ противоположенія иногда выясняетъ характеръ истиннаго учительства Господь Іисусъ Христосъ. Въ Его время считали себя учителями и руководителями народа книжники и фарисеи. Божественный Учитель человечества въ современныхъ ему руководителяхъ народа не видѣлъ того, чѣмъ должны быть истинные учителя, и Самъ училъ не какъ книжники и фарисеи. Что же было не похвальнаго въ учительской дѣятельности книжниковъ и фарисеевъ? И въ чемъ противоположность между ихъ неправильнымъ учительствомъ и истиннымъ учительствомъ Господа Іисуса Христа? Они *связуютъ* (говоритъ Господь и Спаситель нашъ) *бремена тяжка и бѣднѣ носима, и возлагаютъ на плеча человѣческа: перстомъ же своимъ не хотятъ двинуть ихъ* (Матѣ. XXIII, 4). Этими словами Спаситель осуждаетъ мертвое, холодное отношеніе современныхъ Ему учителей къ закону. Законъ для нихъ не служитъ внутреннимъ средоточіемъ и началомъ ихъ духовной жизни: онъ куча сборныхъ предписаній, чисто внѣшнихъ, для нихъ какъ бы стороннихъ. Они ткутъ и распространяютъ эти предписанія, не справляясь съ голосомъ своей совѣсти, съ указаніями собственнаго опыта, а какъ бездушные отвлеченные теоретики выдумываютъ самыя строгія, самыя стѣснительныя заповѣди, и требуютъ отъ своихъ руководимыхъ ихъ исполненія, не принимая въ расчетъ естественной слабости человѣка, не указывая облегчающихъ средствъ къ несенію тяжелаго бремени. Ихъ проповѣдь при этомъ не вытекала изъ живаго глубокаго сознанія и не проникнута была правдою жизни. Это было слово, расходящееся съ дѣломъ,

и потому бѣдное содержаніемъ: какъ вѣтеръ, оно разносилось надъ слухомъ народа, и ничего не приносило почвѣ сердецъ человѣческихъ; потому что въ немъ, при пустомъ шумѣ, не было жизненныхъ сѣмянъ, которыя бы могли оплодотворить жизненную почву. Этого раздвоенія между словомъ и дѣломъ, между закономъ и жизнью не было въ ученіи Господа Иисуса Христа. Онъ жилъ среди закона и истины, и жизненная практика Его была воплощеніемъ закона, воспринятаго сердцемъ. Слово Его было чуждо отвлеченности и полно самаго жизненнаго содержанія; въ немъ слышалось дыханіе жизни, и видно было, что изъ себя выносишь, а не отвнѣ собиралъ Учитель великія истины, Имъ проповѣданныя. И тотъ же законъ, который у бездушныхъ проповѣдниковъ выходилъ такимъ тяжелымъ, отвлеченнымъ и недоступнымъ для слабыхъ силъ человѣка, у проповѣдника сердца и душевнаго опыта терялъ свою удушливую отвлеченность, являлся закономъ живымъ, понятнымъ для всѣхъ, какъ бы вынесеннымъ изъ живаго сердца человѣческаго. Отъ того тамъ сухая не прочувствованная проповѣдь не приближала человѣка къ закону тяжелыхъ формулъ, а скорѣе отстраняла отъ него или исполняла слушаателя страхомъ отчаянія; а здѣсь живое слово вносило проповѣдуемый законъ въ плоть и кровь человѣка и дѣлало его реальнымъ явленіемъ среди человѣческаго общества.

*Они любятъ прѣждевоззланія на вечерахъ и прѣжде-
сѣданія на сонмищахъ, и цѣлованія на торжищахъ, и зва-
тися отъ челоѣкъ: учителю, учителю (Матѣ. XXIII, 6. 7).* Внѣшнее превозношеніе и гордость учителей фарисейскихъ прежде всего характеризуется этими словами Спасителя: вездѣ напоказъ они стараются выставить предъ другими свое превосходство въ общественно-юридическомъ положеніи, въ нравственномъ направленіи и во внѣшней учености и знаніи закона. Это самомиѣніе выражается и въ ихъ словѣ, пропитанномъ

гордостію, не приспособленномъ къ простому пониманію народа, выказывающемъ на видъ знаки ихъ ученой мудрости, чуждомъ всякой снисходительности къ бѣдному разумнѣю пеученыхъ. Отъ этого слово фарисейскихъ книжниковъ, при всей своей внутренней скудости, было мало доступно и мало полезно для душъ, жаждущихъ религіознаго назиданія, но не умѣющихъ возвышаться надъ простотою вѣры. Въ словѣ Господа Іисуса не было никакого нагляднаго возвышенія надъ простымъ пониманіемъ: Онъ умѣлъ говорить въ уровень съ общимъ сознаніемъ и не замѣтно возвышать его надъ собою, надъ прежними вѣрованіями, убѣжденіями и предразсудками. Великая тайна простоты и общедоступности рѣчи, при раскрытіи самыхъ возвышенныхъ предметовъ, отсутствіе въ ней всякой внѣшней помпы и всѣхъ снарядовъ учености, при особенной глубинѣ ея содержанія,—вотъ одно изъ главныхъ свойствъ ученія Спасителя, отличающее его отъ чваннаго ученія горделивыхъ книжниковъ фарисейскихъ.

Фарисеи и книжники, по словамъ Спасителя, *вожди слѣпѣи, оуязждающіи комары, вельблуды же пожирающе*. Они одесятствуютъ *мятеву, копрѣ и киминѣ*, и оставляютъ *вящія закона, судъ и милость и вѣру*. Они очищаютъ *внѣшнее стекляницы и блюда, внутрьуду же суть полны хищенія и неправды* (Матѣ. XXIII, 23—25). Они говорятъ: *иже аще кленется церковію, ничесоже есть: а иже кленется златомъ церковнымъ, долженъ есть; и иже аще кленется алтаремъ, ничесоже есть: а иже кленется даромъ, иже верху его, долженъ есть* (16, 12). Какая скрупулезность! И какое мертвое пониманіе закона! Законники, постоянно толкующіе о законѣ, не видятъ силы закона, не знаютъ его духа, и утратили въ своемъ сознаніи его цѣлость. Въ законѣ, сдѣлавшемся чуждымъ для ихъ внутренняго сознанія, они потеряли коренной жизненный нервъ, и потому дѣлаютъ громоздкія пристройки,

только закрывающія внутреннее существо дѣла, а не укрѣпляютъ его: они хотятъ поддержать этими пристройками святое зданіе закона, а сами только истощаютъ его, претворивъ въ мелочи и букву его внутреннюю силу. Они блюдаютъ за цѣлостію и неприкосновенностію этихъ мелочей, но не хотятъ понять того, что не въ нихъ, не въ этихъ мелочахъ сила нравственного укрѣпленія, и потому, оставляя безъ вниманія корень, заботятся о вѣтвяхъ и листьяхъ: какъ будто листья, покрывающіе верхушку дерева, могутъ дать ему видъ и здоровье, когда гниль и изсохъ его корень! Въ своемъ слѣпомъ отношеніи къ закону они не умѣютъ узнать, кто болѣе преступаетъ законъ,—тотъ ли, кто не исполняетъ всѣхъ обрядовыхъ мелочей при столѣ, предписанныхъ толкователями закона, но заботится о милости и правдѣ, или тотъ, кто, соблюдая всѣ омовенія и другіе обряды, требуемые фарисейскою святостію въ обыденной жизни, не стѣсняется обижать и грабить сиротъ и вдовицъ. Господь Иисусъ Христосъ, какъ истинный учитель, не отягощаетъ вниманія и воли слушателей множествомъ заповѣдей и дробленіемъ ихъ на разряды; Онъ не давитъ и не связываетъ ихъ жизненной практики кучею мелочныхъ предписаній и обрядовою казуистикою. Помнимо всѣхъ мелочей, Господь Иисусъ Христосъ указываетъ самое внутреннее зерно закона, и весь законъ представляетъ въ двухъ заповѣдяхъ: *возлюбими Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и возлюбими ближняго твоего, какъ самаго себя.* Онъ хочетъ вселить въ человѣка духъ закона, положить въ немъ основное начало нравственности, а не заботится въ отдѣльности о томъ, другомъ и третьемъ частномъ случайномъ дѣйствіи. Нужно посадить и утвердить корень; листья и вѣтви сами собою вырастутъ изъ него: нужно укоренить духъ нравственного закона въ человѣкѣ; частнѣйшія добрыя дѣйствія послѣ этого явятся сами собою въ его жизни, и въ каждомъ

данномъ случаѣ онъ сумѣетъ привести свою волю въ гармонію съ закономъ. Господь Іисусъ Христосъ не пренебрегаетъ обрядовыхъ дѣйствій, указанныхъ человѣку, совѣтуетъ не оставлять и ихъ, но прежде всего старается внушить слушателямъ главное изъ закона,—судъ, милость и вѣру.

При слѣпомъ и мертвомъ пониманіи закона, фарисейскіе книжники, по изображенію Спасителя, отличались духомъ фанатизма и педантичности. Они созидали гробы пророковъ и украшали раки праведныхъ, и говорили: если бы мы были во дни отцевъ нашихъ, то не были бы сообщниками ихъ въ пролитіи крови пророковъ. Но Господь Іисусъ Христосъ замѣчаетъ имъ на это: *тѣмже сами свидѣтствуете себѣ, яко сынове есте избившихъ пророки. И вы исполните мѣру отцевъ вашихъ.. Се Азъ пошлю къ вамъ пророки и премудры и книжники: и отъ нихъ убіете и распнете, и отъ нихъ біете на сонмищахъ вашихъ, и изженете отъ града во градъ* (Матѣ. XXIII, 31. 32. 34). Смотри на законъ сквозь покрывало, сшитое изъ разныхъ, часто суевѣрныхъ, преданій и пустыхъ толкованій, обольщенные притомъ важностію этихъ преданій и толкованій, они совершенно нечувствительны къ свѣжему и живому слову, уясняющему смыслъ закона; не понимая его, они всегда готовы предполагать въ немъ уклоненія отъ вѣры, оскорбленіе святыни закона. Привыкнувъ къ болотной тинѣ, они не терпятъ чистой воды и считаютъ ее вредною. Почивая на возглавіи закона, изготовленномъ скорѣе легковѣріемъ пустосвятства, чѣмъ усердіемъ къ истинному выполненію духа чистой нравственности, они теряютъ равновѣсіе и спокойствіе духа, выходятъ изъ себя, когда какой либо учитель или божественный посланникъ тревожитъ ихъ дремоту и представляетъ имъ высшіе пути жизни и низкій уровень ихъ нравственнаго состоянія. Не видя святости своихъ измышленій, но вѣря имъ только по привычкѣ и преданію, и потому не могли пока-

зять предъ всѣми ихъ силы и божественности, они человѣческою страстностію восполняютъ недостатокъ разумной вѣры, и словомъ фанатизма отвѣчаютъ на слово зрячей вѣры и разума: фанатизмъ гонить отъ себя истинная вѣра; онъ является тогда, когда вѣра человѣка, не имѣя ни силы, ни авторитета, хочеть защитити и спасти у себя то, что по чему либо дорого сердцу. Въ сердцѣ, не умѣющемъ воплотити въ себѣ духа закона, а между тѣмъ обольщенномъ своею святостію, нѣтъ управителя надлежащихъ отношеній къ людямъ: въ немъ большею частію все опредѣляется движеніями самолюбія. И потому, когда поражается чѣмъ либо это самолюбіе, оно поднимаетъ въ человѣкѣ бурю въ видахъ самозащитенія, и ненавистію платитъ тѣмъ, кто дѣйствуетъ не подъ тактъ обычному его настроенію и улегшимся въ немъ желаніямъ. Отсюда такъ много печальныхъ явленій въ исторіи, когда одно оскорбленное самолюбіе соединяется съ другимъ, и борьба является не только борьбою двухъ, борьбою частною, но и общественною, борьбою партій, сословій или народовъ.—Истинный Учитель былъ чуждъ всякимъ насиліямъ, не зналъ и не употреблялъ никакихъ внѣшнихъ насильственныхъ мѣръ, чтобы привести людей въ согласіе съ собою. Онъ дѣйствовалъ на совѣсть путемъ убѣжденія. Его вѣра, полная внутреняго содержанія и свѣтлаго разума, твердая и священная авторитетомъ, для всѣхъ видимымъ, сама собою обладала силою, преклонявшею умы слушателей. Ревность по этой вѣрѣ не мирилась и съ тѣнью слѣпаго фанатизма, всегда страстного, всегда полусознательнаго. Увѣренная въ себѣ, въ своей истинности и непреложности, она тихимъ, мирнымъ путемъ шла къ своей побѣдѣ,—и малѣйшій признакъ раздраженія и страстности былъ бы оскорбленіемъ для нея. Люди невѣрующіе или неправовѣрующіе вызывали у ней противъ себя слово: обличенія ея были иногда сильны и рѣзки. Но и въ

этихъ сильныхъ обличенiяхъ вѣялъ духъ любви, вызывавшiй скорбь о заблудившихъ: сражая невѣрiе или неправовѣрiе, онъ побуждалъ не губить, а спасать невѣрующихъ и неправовѣрующихъ; душа и заблудшаго была слишкомъ дорога для него. Потому при упорствѣ заблужденiя, онъ терпѣливо ждалъ его смягченiя и исправленiя, не посягая на свободу и жизнь зараженныхъ заблужденiемъ. Интересъ истины и блага былъ у Учителя правды на виду, а не личные интересы чести и самолюбiя, какъ у книжниковъ-фарисеевъ, примѣшавшихъ ложь къ истинѣ, и въ служенiи истинѣ преслѣдовавшихъ служенiе мамонѣ и своему чреву.

IV. Для положительнаго опредѣленiя метода ученiя Господа Иисуса Христа, мы просимъ припомнить Его выраженiе, сказанное Имъ своимъ ученикамъ послѣ того, какъ Онъ длиннымъ рядомъ притчей старался объяснить имъ тайну царства небеснаго, и спросилъ ихъ: поняли ли вы все это? Ученики отвѣчали ему, что поняли. Тогда Онъ сказалъ имъ: *всякій книжникъ, научившiй царствоу небесному, подобенъ хозяину, который выноситъ изъ сокровищницы своей новое и старое* (Матѣ. XIII, 52). Въ приложенiи къ ученiю Спасителя слова эти означаютъ мягкую и мудрую систему приспособленiя, держась которой Господь Иисусъ Христосъ постепенно велъ разумѣнiе учениковъ и всего народа къ высшимъ тайнамъ боговѣдѣнiя и чистѣйшему представленiю предметовъ религiи и нравственности. Господь и Спаситель нашъ, приступая къ просвѣщенiю народа, не хотѣлъ начинать этого дѣла быстрымъ и рѣзкимъ поворотомъ; и не горячая полемика съ заблужденiемъ времени являлась главною его задачею. Обыкновенно люди отрицанiя, съ большимъ трудомъ добывшiе какiя либо новыя относительныя истины, во имя этихъ истинъ съ рѣзкою запальчивостiю выступаютъ противъ устарѣлыхъ

вѣрованій и убѣжденій, и съ особенною настойчивостію выдвигаютъ на видъ пункты противоположенія между старымъ и новымъ. Спаситель напротивъ, обладавшій полнымъ представленіемъ безотносительной истины, искалъ пунктовъ сравненія и сближенія въ просвѣщаемомъ Имъ сознаніи народа. Онъ обращалъ вниманіе больше на положительныя, чѣмъ на отрицательныя стороны современнаго сознанія, хотѣлъ отыскать и выставить въ немъ чистыя представленія, чтобы къ нимъ привить новые соки, привязать новыя болѣе полныя истины. Не то, что нужно было сразить, какъ недостойное, а то, что нужно было укрѣпить, возвысить и расширить,—не паростъ лжи, а корень правды, положенный въ человѣчествѣ,—былъ исходною точкою и мѣтою Его слова. Сквозь мглу недоумѣній и ложныхъ, темныхъ представленій своею ясновидящею мыслію Онъ проникалъ до сердцевины человѣческаго сознанія, до того неистребимаго нерва истины, который своею жизненностію условливаетъ движеніе человѣческаго ума къ исканію божественной правды, и который среди обыденной жизни такъ часто зарастаетъ нечистыми и вредными травами. И свѣтлое слово умѣло выносить изъ темной и густой мглы ясный, чистый, незапятнанный обликъ закона, умѣло зажигать свѣтъ тамъ, гдѣ тускнѣлъ онъ подъ дѣйствіемъ напосныхъ элементовъ. Старая правда въ этомъ случаѣ являлась въ новомъ видѣ; прежняя сила, забытая и забитая, выросла и раскрывалась съ нежданною прежде энергією. Въ ученіи, привязанномъ къ старымъ истинамъ, лежащимъ въ глубинѣ человѣческой души, люди видѣли какъ бы стараго знакомаго, и въ то же время новаго гостя. Учитель являлся не столько сообщителемъ новыхъ положеній закона, сколько возбудителемъ святаго сѣмени, глохшаго въ умахъ и сердцахъ народа. И вотъ этимъ условливался успѣхъ Его ученія; отъ этого увеличивалась его дѣйственная сила: расчищалась и

удобрялась почва, на которой должно было расти новое царство истины; сила дѣйствія соединялась съ силою воспріятія. Возбуждалась охота къ слушанію и уясненію слова Божія въ душахъ, прежде мирившихся съ мутнымъ устоявшимся строемъ убѣжденій; въ нихъ прибавлялась сила пониманія, и незамѣтно родился дремавшій духъ съ новыми идеями, открывавшими новое царство Божіе на землѣ. Нагляднымъ образцомъ этой положительной методы ученія, богатой плодотворными слѣдствіями, служить такъ называемая нагорная бесѣда. *Да не мните* (говорить Онъ въ ней), *яко приидохъ разорити законъ или пророки: не приидохъ разорити, но исполнити* (Матѣ. V, 17). Истины, возвыщенные прежними пророками и учителями, Онъ не уничтожаетъ для того, чтобы на мѣсто ихъ поставить свое новое: напротивъ, признавая ихъ, Онъ только хочетъ довести ихъ до надлежащей полноты и силы, такъ чтобы сознаніе человѣческое не останавливалось на полудорогѣ, не замыкалось въ узкое пониманіе широкой духовной истины. *Слышите, яко речено бысть древнимъ* (говорить Спаситель, приступая къ изложенію своего ученія и изъясненію божественнаго закона): *не убіеши: иже бо аще убіетъ, повиненъ есть суду. Азъ же глаголю вамъ: яко всякъ инъваляся на брата своего всеу, повиненъ есть суду: иже бо аще речетъ брату своему, рака, повиненъ есть сонмищу: а иже речетъ, уроде, повиненъ есть гееннѣ огненной...* *Слышите, яко речено бысть древнимъ: не прелюбы сотвориши. Азъ же глаголю вамъ: яко всякъ, иже воззритъ на жену, ко еже возжелати ея, уже любодѣйствова съ нею въ сердцѣ своемъ....* *Паки слышите, яко речено бысть древнимъ: не во ажу клеветиши, воздаси же Господеси клятвы твоя. Азъ же глаголю вамъ не клятися всяко: ни небомъ, яко престолъ Божій есть: ни землею, яко подножіе есть ногамъ его: ни Иерусалимомъ, яко градъ есть великаго царя... Будь же слово*

ваше: ей, ей: ни, ни: лишше же сею отъ неприязни есть. Слышасте, яко речено бысть: око за око, зубъ за зубъ. Азъ же глаголю вамъ не противитися злу: но аще тя кто ударитъ въ десную твою ланиту, обрати ему и другую.. Слышасте, яко речено бысть: возлюбии искренняго твоего, и возненавидии врага твоего. Азъ же глаголю вамъ: любите враги ваша, благословите кленущія вы, добро творите ненавидящимъ васъ и молитесь за творящихъ вамъ напасть, и изгонящихъ вы, яко да будете сынове Отца вашего, иже есть на небесахъ, иже солнце свое сіяетъ на злыя и благія, и дождитъ на праведныя и неправедныя.... (Матѣ. V, 21—48). Какъ видите, Господь привязываетъ свое слово назиданія къ тому закону, котораго держался народъ, Его слушавшій. Въ своей бесѣдѣ, вспоминая заповѣди этого закона, Онъ утверждаетъ ихъ силу и значеніе, но только расширяетъ и одухотворяетъ тотъ смыслъ, какой соединяли съ ними іудеи, воспитанные тогдашними книжниками и фарисеями. И сознание слушателей разъ заинтересовывается бесѣдою, родится съ ея содержаніемъ, какъ чѣмъ-то знакомымъ, и въ то же время вдругъ и невольно освѣщается повымъ свѣтомъ. Законъ остается тѣмъ же въ своемъ существѣ, чѣмъ былъ прежде; но пониманіе его является у народа болѣе широкое, свѣтлое и духовное. И это достигнуто безъ полемики, путемъ одного положительнаго раскрытія и очищенія истины, хранимой сознаниемъ слушателей. Другой путь, путь полемики былъ бы и длиннѣе, и меньше бы приносилъ созидающаго элемента, и могъ бы еще отклонить вниманіе слушателей отъ предлагаемаго ученія, оскорбивъ или затронувъ ихъ привязанность къ своимъ убѣжденіямъ. Нагорная бесѣда—не единственный случай употребленія такой методы ученія Спасителя. Его ученіе во всемъ своемъ объемѣ развивалось по возбужденію временныхъ обстоятельствъ, въ соотвѣтствіи съ найденнымъ Имъ

содержаніемъ современнаго сознанія, по такъ-называемой системѣ приспособленія. По предвѣчному совѣту, родившись и воспитавшись въ Іудеѣ, Господь Іисусъ Христосъ обнялъ своею мыслию воззрѣнія и вѣрованія іудейскаго народа, и въ этихъ воззрѣніяхъ и вѣрованіяхъ видѣлъ почву и сѣмена для началъ новой жизни, Имъ припесениой. Потому отсюда брало для себя виѣшнюю исходную точку Его слово, и сюда Онъ направлялъ свѣтъ своей божественной мысли, чтобы возвысить человѣческое разумѣніе, очистить человѣческое пониманіе и распространить потомъ по всей землѣ новую чистую вѣру.

Само собою понятно, что приспособленіе Спасителя къ сознанію слушателей въ раскрытіи своего ученія, по которому Онъ износилъ старое и къ старому присоединялъ новое, нимало не похоже было на ту поддѣлку подъ вкусъ и мысль слушателей, какую дозволяютъ себѣ иногда фальшивые и несильные учителя, готовые жертвовать цѣлостію истины въ видахъ скорѣйшаго убѣжденія въ какой либо частной относителной истинѣ, и признавать предразсудки и ошибки за истину для возбужденія большаго довѣрія къ себѣ. Поддѣлка подъ чужое сознаніе, съ готовностію жертвовать истинною своего убѣжденія, свидѣтельствуетъ о не полномъ обладаніи истинною со стороны учителя, о его не свободномъ отношеніи къ ней. Она показываетъ безсиліе его высвободиться изъ рабской зависимости отъ условной среды, и неумѣнье прямыми и чистыми средствами склонить убѣжденія людей на свою сторону; потому что только при слабости возможна неискренняя, вынужденная сдѣлка съ завѣдомымъ заблужденіемъ. Но при полномъ и всецѣломъ обладаніи истинною, въ умѣ Богочеловѣка отъ свѣта Его божественной мысли исчезала всякая тѣнь недоумѣнія и фальши, съ какими адресовалось къ Нему современное Ему человѣческое сознаніе, и

всемогущее слово прямымъ и чистымъ путемъ, безъ околичныхъ блужданій по болотнымъ трясинамъ человѣческихъ мнѣній, вело расположенныя сердца къ святой цѣли. Не внутреннее существо святой истины видоизмѣнялось въ Его ученіи въ сообразность съ временными убѣжденіями Его современниковъ, а внѣшняя постановка ея предъ сознаниемъ слушателей. Чтобы пайти въ сознанія слушателей точку опоры или воспріимчивую почву для предлагаемаго ученія, Спаситель раскрываетъ истину прежде всего съ той стороны, съ какой она болѣе или менѣе извѣстна тѣмъ, кому Онъ говоритъ, и съ какой имъ легче и удобнѣе идти къ уясненію другихъ сторонъ, въ ней заключающихся. Здѣсь въ широкомъ размѣрѣ прилагается то логическое правило, которое совѣтуетъ въ развитіи мысли идти отъ извѣстнаго къ неизвѣстному.

V. Есть другія замѣчанія у евангелистовъ касательно образа ученія Спасителя, и есть другія частныя характеристическія свойства, опредѣляющія его методъ. Между ними бросается въ глаза частое употребленіе притчей, въ формѣ которыхъ Господь Іисусъ Христосъ изъяснялъ тайны царствія Божія или дѣлалъ нравственные обличенія вызывавшимъ ихъ. Намъ, привыкшимъ къ силлогистическому развитію мыслей, приточный образъ ученія въ устахъ Спасителя кажется оригинальнымъ явленіемъ, и при чтеніи притчей, записанныхъ въ Евангеліи, часто невольно рождается вопросъ: отъ чего и для какихъ цѣлей Господь Іисусъ Христосъ такъ часто отступалъ отъ простаго разсудочнаго изложенія и прибѣгалъ къ образному, приточному образу рѣчи? Бросалась въ глаза эта оригинальность и непосредственнымъ слушателямъ божественнаго Учителя, которые болѣе насъ должны бы были свыкнуться съ образною рѣчью, употребительною на востокѣ; и они иногда съ вопросомъ недоумѣнія обращались къ своему Господу и

Учителю: *почто притчами глаголиши имъ* (Мат. XIII, 10)? Разъ даже они выразили особенное удовольствіе, услышавши отъ Спасителя длинную прямую рѣчь, не прикрытую притчею. *Вотъ* (сказали они Ему) *теперь Ты прямо говоришь, и притчи не говоришь никакой. Теперь видимъ, что Ты знаешь все, и не имьши нужды, чтобы кто спрашивалъ Тебя. Посему тѣруемъ, что Ты отъ Бога изшелъ* (Іоан. XVI, 29—30). Чтоже Спаситель? На какия обстоятельства и причины указывалъ въ объясненіе своей особенной методы раскрытія ученія? Въ разныя времена Онъ указывалъ разныя точки зрѣнія, съ которыхъ дѣлается понятною необходимость и плодотворность приточнаго образа раскрытія божественной истины. Разъ Онъ сказалъ по этому предмету: *си́и въ притчахъ глаголю вамъ: но прійдетъ часъ, егда ктому отъ притчахъ не глаголю вамъ, но явѣ о Отцѣ возглаголю вамъ* (Іоан. XVI, 25). Другой разъ, когда ученики просили Его разъяснить смыслъ притчи о сѣятелѣ, Онъ предварилъ это изъясненіе слѣдующимъ замѣчаніемъ: *вамъ есть дано видѣти тайны царствія Божія: онѣмъ же внѣшнимъ въ притчахъ вся бывають, да видяще видятъ, и не узрятъ, и слышаще слышатъ, и не разумѣютъ* (Мар. IV, 11. 12; Лук. VIII, 10). Ту же самую мысль выразилъ Спаситель, когда отвѣчалъ на вопросъ учениковъ, почему Онъ притчами говорить народу: *яко вамъ дано есть разумѣти тайны царствія небеснаго, онѣмъ же не дано есть. Иже бо имать, дастся ему, и преизобудетъ ему: а иже не имать, и сже имать возметъ отъ него. Сего ради въ притчахъ глаголю имъ, яко видяще не видятъ, и слышаще не слышатъ, на разумѣютъ* (Мат. XIII, 11—13). Когда евангелисты приводятъ подобныя выраженія Спасителя, они прибавляютъ замѣчаніе, что Спаситель многими притчами проповѣдывалъ имъ (слушателямъ изъ народа) слово, сколько они могли слышать; безъ притчи же не говорилъ

*

нимъ; а ученикамъ насинѣ изъясняя все (Мар. IV, 33, 34). Могло казаться, что притчами Спаситель хотѣлъ прикрыть свое ученіе и затруднять его пониманіе для простаго слушателя. Чтобы устранить это представленіе, Господь Иисусъ Христосъ притчу сравниваетъ съ свѣтильникомъ, который зажигаютъ не для того, чтобы поставить его подъ сосудъ или подъ кровать. *Егда свѣтильникъ возжигаютъ, да подъ спудомъ положатъ его и не подъ одромъ* (говорить Онъ)? *Не да ли на свѣтъ возжиганъ будетъ? Истинъ бо тайно, еже не явится; ниже бысть потаено, но да прїидетъ въ явленіе. Аще кто имать уши слышати, да слышитъ..* *Блюдите* (хорошо замѣчайте), *что слышите* (Марк. IV, 21—24).

Соображая такія замѣчанія Спасителя, мы не видимъ, чтобы Онъ указывать въ притчѣ непремѣнную и обязательную форму рѣчи. Онъ пользовался притчею, какъ вспомогательнымъ и приготовительнымъ средствомъ, когда говорилъ людямъ мало приготовленнымъ или расположеннымъ слушать Его ученіе, и говорилъ о предметахъ, не съ-разу доступныхъ и понятныхъ каждому, которые Онъ называлъ тайнами царствія Божія. На вопросы учениковъ Онъ замѣчалъ, что со временемъ, когда окрѣпнетъ и просвѣтитъ ихъ разумѣніе, Онъ явно, безъ притчи, будетъ говорить объ Отцѣ, и что вышшимъ людямъ, не ознакомившимся съ Его ученіемъ и не разумѣющимъ тайнъ царства небеснаго, не удобно говорить безъ пособія притчей.

Впрочемъ сама природа предлагала божественной мудрости Спасителя языкъ притчей для сообщенія народу своего высшаго ученія. Божественная мудрость только умѣла дать этому языку болѣе широкое и полезное употребленіе, чѣмъ какое мы встрѣчаемъ у другихъ дѣятелей общественнаго слова. Человѣкъ любитъ образныя представленія, въ которыхъ всегда есть доля поэтической прелести. Когда приходится ему мыслить

и говорить объ отвлеченныхъ, духовныхъ предметахъ, образы являются сами собою, по требованію необходимости; потому что безъ нихъ нельзя выразить существа отвлеченной вещи. И когда мы прислушася къ обыкновенному языку, мы замѣтимъ, что онъ весь, какъ бисеромъ, испещренъ образными выраженіями. При мышленіи живое воображеніе, играющее образами, идетъ рука объ руку съ разсудкомъ, и часто какъ бы опережаетъ его, подсказывая ему образы, изготовляя готовые формы для его, часто тугой и не ясной, мысли. Чѣмъ сильнѣе голова, тѣмъ послушнѣе ей эти образы, въ которыхъ разсудокъ выражаетъ свои отвлеченныя мысли. Но если и на высшихъ степеняхъ логическаго развитія образность является неизбѣжно въ языкѣ мысли, то тѣмъ болѣе она необходима тамъ, гдѣ слабо дѣйствуетъ или мало развитъ разсудокъ, и гдѣ простыми наглядными представленіями замѣняютъ общія понятія. Людямъ напримѣръ неученымъ не пригодны ученыя, силлогистическія извитія мысли: они живутъ постоянно съ природою, мыслятъ ея формами и явленіями и говорятъ ея языкомъ. Этотъ языкъ, языкъ видимыхъ формъ и образовъ дѣлается ихъ особою привилегією, и въ немъ-то они выражаютъ внутреннюю работу своей головы, и онъ собственно помогаетъ имъ дѣлать для себя понятнымъ сокрытый смыслъ многихъ возвышенныхъ истинъ. У жителей восточныхъ и южныхъ странъ игра воображенія, возбуждаемаго и распаляемаго роскошными явленіями природы, привольнѣе, богаче и разнообразнѣе, чѣмъ у насъ, жителей холодныхъ странъ; тамъ подъ дѣйствіемъ живаго воображенія не всегда свободно распускается логическая сила; тамъ образъ разрастается въ картину; разсказъ рождастъ правило, и правило облекается въ историческую форму происшествія. Въ этомъ отношеніи восточная поэзія и философія имѣтъ свою характерность. Басни и поучительныя исторіи содержатъ восточное правоученіе;

восточная философія любитъ образныя сентенціи и ихъ приправляетъ анекдотами. И на улицахъ, около шалашей у кочующихъ арабовъ собирались бывало толпы, и тамъ слышались анекдоты, сказки, исторіи, въ которыхъ передавалась изъ рода въ родъ важная вѣками практическая и теоретическая мудрость народа. Нигдѣ нѣтъ столько правоучительныхъ, остроумныхъ басенъ, анекдотовъ, сказокъ и исторій, какъ на востокѣ, и отсюда они въ разныхъ передѣлахъ и сокращеніяхъ распространялись по всей Европѣ.

Чѣмъ же служить въ устахъ Господа Іисуса Христа притча, какъ образъ выраженія, подсказываемый самою природою? И какихъ цѣлей достигала чрезъ нее божественная мудрость Спасителя?

Прежде всего притча способствовала возбужденію вниманія въ слушателяхъ и располагала ихъ съ интересомъ и усердіемъ относиться къ тому, что предлагаетъ Учитель. Представьте себѣ слушателей Спасителя, людей, не прошедшихъ школы и держащихся непосредственныхъ представлений, не способныхъ безъ утомленія выслушивать длинныя изъясненія отвлеченныхъ понятій. Представьте, что имъ разсказывается какая либо близкая исторія: она занимаетъ ихъ и судьбою лицъ, въ ней выведенныхъ, и теченіемъ событія, направляемымъ къ цѣли мыслію разсказчика, занимаетъ такъ же, какъ дѣти занимаютъ сказки. Приводится въ дѣятельность сила воображенія; она входитъ въ живое участіе съ движущимися въ разсказѣ лицами. А тутъ еще лицамъ и дѣйствіямъ дается особенный смыслъ; мысль передающаго разсказъ указываетъ высшую глубокую цѣль, для приведенія къ которой прибѣгаетъ къ разсказу Учитель. Вниманіе напрягается въ высшей степени, и притча является самымъ пригоднымъ средствомъ къ тому, чтобы овладѣть этимъ вниманіемъ, чтобы привязать его къ тому ученію, которое нужно передать народу.

По себѣ, по тому впечатлѣнію, какое на насъ производятъ притчи, записанныя въ Евангеліи, мы не можемъ судить о томъ дѣйствіи, какое онѣ производили на непосредственныхъ слушателей Спасителя. Различіе во впечатлѣніяхъ здѣсь зависитъ не отъ того, что мы, какъ люди школы или люди сѣвера, сроднились съ другимъ, дидактическимъ, способомъ изложенія, а отъ того, что мы съ дѣтства слышимъ ихъ, нѣсколько сотъ разъ и машинально повторяемъ ихъ и знаемъ тотъ смыслъ, какой заключается въ нихъ. Но представимъ себѣ, что мы первый разъ слышимъ ихъ, и слышимъ, а не читаемъ, притомъ слышимъ изъ устъ Учителя, который самъ какъ бы творитъ ихъ, и каждое слово въ нихъ сопровождаетъ дыханіемъ живой души, полной ума, силы и любви, и то, что не можетъ отвердѣть и выразиться въ логическомъ словѣ, дополняетъ миною, жестомъ, тономъ и движеніемъ голоса. Обратимъ еще вниманіе на то, изъ какой сферы берется содержаніе притчей, и мы поймемъ, какъ сильно онѣ могли интересовать народъ, окружающій Спасителя. Учитель говоритъ простымъ слушателямъ обыкновенно объ ихъ дѣлахъ и ежедневныхъ занятіяхъ, указываетъ на то, что съ ними можетъ случаться едва не каждый день. Тамъ рассказывается о сѣяніи и жатвѣ, заботахъ и надеждахъ земледѣльца; въ другомъ мѣстѣ о виноградарѣ, объ окапываніи и воздѣлываніи виноградника, о собираніи винограда, о винѣ и мѣхахъ; третій разъ говорится о пловдѣ, о всерженіи его въ море, о ловлѣ рыбъ и раздѣленіи ихъ, избраніи добрыхъ и отбрасываніи дурныхъ. И это говорится предъ людьми, для которыхъ земледѣліе, рыбная ловля и работы въ виноградникѣ всегдашнія житейскія занятія. Кромѣ особенной близости и наглядности этихъ образовъ для души слушателей, имъ пріятно видѣть въ рѣчи Учителя особенное снисходительное вниманіе къ ихъ занятіямъ, и за эту снисходительность они готовы платить

благодарною взаимностію, и потому съ особенно-теплымъ участіемъ выслушиваютъ слово, умѣющее затрогивать самыя чувствія симпатическія струны открытаго, воспріимчиваго сердца. Возьмите другія притчи: во всѣхъ ихъ образы выбираются, такъ сказать, изъ-подъ руки слушателей. Тамъ пастухъ ищетъ потерянной заблудшей овцы, находитъ ее и радуется этому обстоятельству, или вмѣсто его представляется бѣдная женщина, теряющая мелкую монету, съ безпокойствомъ перебирающая всѣ вещи своего скромнаго домика и радующаяся, когда ся поиски сопровождаются находкою потерянной монеты. Въ другомъ мѣстѣ говорится объ отцѣ, у котораго было два сына: одинъ сынъ попросилъ у него выдѣла имѣнія, ушелъ въ далекую страну, тамъ промоталъ все и долженъ былъ вести послѣ того самую горькую жизнь; эта горькая жизнь заставляетъ его вспомнить объ отцѣ и его счастливомъ домѣ; онъ съ покаяніемъ идетъ къ дому родителя, не смѣя назваться его сыномъ; но отецъ, увидя погибшаго было сына, забываетъ все, съ радостію принимаетъ его въ свои родительскія объятія и въ честь его устраиваетъ пиршество, для котораго закалаетъ лучшаго тельца изъ своего стада. Иной разъ въ образъ притчи берутся дѣвы, ждущія жениха, или брачныя пиршества, на которыя созываютъ радостные домовладыки всѣхъ родныхъ и знакомыхъ, — или всѣмъ видныя черты тѣхъ сословій, съ которыми постоянно встрѣчался народъ, напимѣръ мытарей и фарисеевъ, и т. под. Не правда ли, что все это для слушателей Спасителя были свои родные, давно знакомые предметы? Не правда ли, что такими близкими образами какъ нельзя легче и удобнѣе можно было вести простой народъ къ пониманію духовныхъ предметовъ? Направленные къ высшей цѣли и освѣщенные духовнымъ свѣтомъ мысли, въ нихъ влагаемой, эти образы получали въ глазахъ слушателей особенную завлекательность и благородство, восхищающее непосредственную душу.

Много говорилъ притчами Господь Иисусъ Христосъ народу и тогда, когда не нужно было возбуждать въ немъ особеннаго вниманія къ рѣчи, когда народъ въ большомъ количествѣ собирался вокругъ Него, и самъ желалъ слышать отъ Него что нибудь особенное (Матѳ. XIII, 2. 3). Въ этомъ случаѣ притчи являлись поддержкою напряженнаго вниманія, и, занимая душу, вели ее за предѣлы видимыхъ образовъ, къ уразумѣнію предлагаемаго ученія. Образы притчей въ этомъ случаѣ были какъ бы ступенями лѣстницы, по которой мудрый Учитель возводилъ мысль своихъ слушателей къ уразумѣнію божественныхъ тайнъ. Въ другихъ случаяхъ нерѣдко виѣшніе призывы къ слушанію или нарочитыя обращенія къ народу предваряли или сопровождали приточное изложеніе ученія Спасителемъ. «Слушайте притчу»,—такъ иной разъ начиналъ свою бесѣду Господь Иисусъ Христосъ. А еще чаще Онъ употребляетъ выраженіе при концѣ притчей: *имѣяи уши слышати да слышатъ*. Чтобы привести въ болѣе движеніе воображеніе и душу слушателей, Спаситель иногда самихъ слушателей приглашаетъ изобрѣтать притчи или сплетать образы для предлагаемаго ученія, и такимъ возбужденіемъ самодѣятельности сильнѣе всего привязываетъ ихъ къ предмету рѣчи. *Чесому уподобимъ царствіе Божіе? Или коей притчи приложимъ е* (Мар. IV, 30)? *Кому уподоблю чело-вѣки рода сего? И кому суть подобни* (Лук. VII, 31)? Душа слушателей какъ бы сливается съ душою Учителя, и рѣчь Его дѣлаетъ своею собственностію, когда она должна отвѣчать на призывъ къ совокупной работѣ для разъясненія предмета.

Притчи въ устахъ Спасителя не только служили къ возбужденію вниманія слушателей и приведенію въ движеніе силы воображенія. Онѣ не просто занимали воображеніе, а представляли лучшее пособіе размыслиенію, кратчайшій и

наиболѣе вѣрный путь къ пониманію истины. Истинны религіозныя, проповѣданныя Спасителемъ,—истины нравственнаго или духовно-отвлеченнаго свойства. Въ своей логической простотѣ онѣ являются чѣмъ-то эирнымъ, не легко уловимымъ для простой головы. Въ душахъ народа, водящегося нагляднымъ представленіемъ, для такихъ истинъ мало опорныхъ пунктовъ, мало точекъ притяженія: не вспаханная почва ихъ плохо принимаетъ такія истины. Онѣ скользятъ по душѣ, но не могутъ пустить въ ней твердаго корня, не могутъ свить надежнаго гнѣзда. Чѣмъ меньше въ головѣ отвлеченныхъ понятій, тѣмъ труднѣе уму усвоеніе и уясненіе новыхъ понятій. Здѣсь есть своя сила притяженія, наживаемая и укрѣпляемая опытомъ, и потому здѣсь находитъ свое приложеніе слово Спасителя: *имущему дано будетъ и приизбуетъ, а отъ неимущаго и еже мнится имѣти, отнимется отъ него*, т. е., кто имѣетъ много, тотъ пріобрѣтетъ чрезъ это еще больше, а кто ничего не имѣетъ или мало, тотъ потеряетъ и то, что случайно попадетъ къ нему. Слушатели Спасителя были именно люди не имущіе, т. е., не привыкшіе къ работѣ надъ отвлеченными понятіями. Для ихъ пониманія притча была тѣмъ орудіемъ, при помощи котораго они могли овладѣвать ускользающими отъ ихъ взгляда духовными понятіями, и безъ котораго имъ трудно и почти невозможно было бы удержать и развить въ себѣ высокую истину. Притча духовному отвлеченному представленію давала тѣло, образъ, видимую наглядную форму: въ этой формѣ предлагаемая истина входила въ простую душу, какъ осязательное явленіе, занимала въ ней мѣсто и утверждалась на ея почвѣ, какъ всякое виѣшнее представленіе предмета или событія, изъ области летучихъ тѣней переходила въ область живой дѣйствительности. Работа надъ нею дѣлалась легче для слабой мысли. Образъ помогалъ памяти удерживать то, что безъ

него улетучилось бы изъ головы; образъ освѣщаетъ понятіе особеннымъ колоритомъ и давалъ ему прозрачность; образъ оживлялъ понятіе и помогалъ открыть въ немъ такія стороны, какія сами по себѣ не произвели бы впечатлѣнія на душу, не отличающуюся тонкостію воспріятія. Можно ли теоретическими основаніями такъ сильно и живо доказать милосердіе Божіе къ падшему грѣшнику, какъ доказываютъ это притчи о пастырѣ, потерявшемъ одну овецъ и оставившемъ девяносто девять для того, чтобы сыскать одну потерянную, о женѣ, имѣвшей десять драхмъ, потерявшей одну и употребляющей все старанія, чтобы сыскать потерянную драхму, или наконецъ притча о блудномъ сынѣ? Холодно и безучастно будутъ слушать умное разсужденіе, если оно путемъ логическаго доказательства захочетъ убѣдить въ той истинѣ людей, не привыкшихъ къ тяжелымъ размышленіямъ. Въ мысли у нихъ всегда будетъ нѣкоторая неясность и темнота; логическое слово не будетъ имѣть впечатлительности. Но является образъ, высказывается притча на ту тему,—въ человѣкѣ оживаетъ холодное представленіе; какъ будто молнія, этотъ образъ освѣщаетъ темную область мысли; ее освѣжаетъ радость духовнаго пріобрѣтенія; движеніе сообщается чувству, которое не остается спокойнымъ и безучастнымъ при мгновенномъ уясненіи трогательной истины. И душа вся волнуется отъ новой силы, на нее набѣжавшей, и, усвоивъ себѣ эту силу, получаетъ новую энергію, распространяющуюся по всему ея существу. Возьмите другія темы: если вы будете доказывать, что нужно всегда быть бдительнымъ въ ожиданіи грядущаго суда Божія, ваши доказательства не оставятъ такого слѣда въ умѣ слушателей, и не затроютъ такъ его, какъ дѣлаетъ это притча о десяти дѣвахъ, въ рельефномъ образѣ передающая глубокую истину, или притча о рабахъ, ждущихъ своего господина (Лук. XII, 36—40). Или припомните притчу

о должникѣ и займодавецѣ: въ образѣ должника, должника господину своему тмоу талантъ, и испросившаго себѣ прощеніе и отпущеніе долга у своего займодавца, и потомъ мучившаго клевету своего, должника ему стомя пѣизы, и не хотѣвшаго смириваться надъ его слезами и воплями, и чрезъ то потерявшаго выпрошенное прощеніе и преданнаго мучителямъ, не, сильнѣе ли и не поразительнѣе ли всѣхъ разсужденій передастся та истина, что намъ нужно прощать грѣхи своихъ ближнихъ, если мы хотимъ заслужить милосердіе у своего Господа (Матѣ. XVIII, 23—35)? И каждый разъ, когда вспоминается этотъ образъ, въ душѣ воскресаетъ нравственная истина со всею поразительностію и трогательностію ея содержанія, переданнаго въ глубоко-мудрой исторіи. Мы не хотимъ передавать всѣхъ притчей Господа Иисуса Христа въ поясненіе своей мысли объ ихъ дидактической плодотворности. Но пѣкоторыя изъ нихъ сами собою бросаются въ глаза своею выразительностію, своею содержательностію, своею силою напечатлѣвать въ памяти и заставлять удерживать въ ней многосложное ученіе, и въ то же время возбуждать судительную силу о немъ. Сколько нужно было длинныхъ разглагольствій, чтобы показать человѣку значеніе здѣшнихъ удовольствій и страданій и отношеніе ихъ къ послѣдней судьбѣ человека? Да и эти длинныя разглагольствія были бы сухи и не впечатлительны, если бы держались въ области теоретической силлогистики. Но явилась притча о богатомъ и Лазарѣ, и богатая назидательная мысль цѣлыя вѣка и тысячелѣтія не находятъ лучшаго выраженія, краткаго, но полнаго, понятнаго для всѣхъ и въ то же время обнимающаго всю глубину и широту истины; въ этой исторіи поставлена на видный для всѣхъ и несокрушимый пьедесталь нравственная идея, хотя предчувствуемая человѣкомъ, но не всегда имъ ясно и отчетливо сознаваемая. Или мысль о необходимости непрестанной

молитвы гдѣ находятъ для себя наиболѣе сильное доказательство, какъ не въ притчѣ о несправедномъ судіи, который Бога не боялся и людей не стыдился, и между тѣмъ не смотря на свое жестокосердіе уступилъ неотступнымъ мольбамъ бѣдной вдовы, искавшей у него защиты отъ соперника своего, дабы она не трудила его? Помня этого судію несправеднаго, каждый вѣрующій съ надеждою въ скорби повторяетъ слово Спасителя: *Богъ же (милосердый) не имать ли сотворити отмщеніе избраннымъ своимъ, вонющихъ къ Нему день и ночь, и долготерпя о нихъ* (Лук. XVIII, 7)? Иудеи узко и неправильно понимали заповѣдь о любви къ ближнимъ. Какъ дѣйствовать учителю на людей, видѣвшихъ близкаго своего только въ своемъ единоплеменникѣ, и утвердившихся въ своемъ предубѣжденіи? Чѣмъ сражать это предубѣжденіе? Сколько времени нужно было употребить на это? И какія основанія выискивать для того, чтобы заставить предубѣжденныхъ людей съ любовію относиться ко всѣмъ людямъ? Божественный Учитель употреблялъ для этого немного словъ: Онъ рассказываетъ притчу о человѣкѣ, попавшемся разбойникамъ и о дружелюбномъ самарянинѣ, обязавшемъ раны того несчастнаго, мимо котораго равнодушно прошли священникъ и левитъ, привезшемъ его въ гостиницу и поручившемъ гостиннику заботиться о немъ. И заповѣдь о любви къ ближнимъ разъясняется во всей своей широтѣ въ трогательномъ примѣрѣ, и невольный укоръ чувствуетъ въ своемъ сердцѣ каждый, уклонившійся отъ исполненія широкой заповѣди о любви. Можно ли лучше и живѣе представить ученіе о любви къ ближнему? И въ теченіе вѣковъ чьи сердца не сотрясались и не пропитались любовію къ страждущимъ братьямъ при чтеніи и слушаніи притчи о человѣкѣ, впадшемъ въ разбойники? Другой образъ рѣчи въ этомъ случаѣ былъ бы, кажется, слабъ и не производилъ бы такого скограо дѣйствія, какое производитъ сейчасъ упомянутая притча.

Еще одно полезное дѣйствіе производили и способны производить донынѣ притчи Спасителя. Онѣ не только заохочивали народъ къ слушанію слова Божія занимательностію внѣшней постановки предмета, не только помогали уясненію отвлеченныхъ духовныхъ понятій наглядностію образной формы, ихъ представляющей, но и возбуждали работу и самодѣятельность мысли, способствовали раскрытію чувства истины, такъ необходимому для полнаго усвоенія религіознаго ученія. Этому служила та прикровенность приточнаго ученія, которая не разъ приводила въ недоумѣніе учениковъ Спасителя и заставляла ихъ спрашивать Его, зачѣмъ Онѣ притчами, а не явно говорить народу.

Притчи, какъ бы ни были ясны и наглядны сами въ себѣ, и какимъ бы прозрачнымъ колоритомъ ни освѣщали обсуждаемыя вещи, сами въ себѣ все таки были не собственными выраженіями. Онѣ не прямо указывали и живописали предметъ, а какъ бы стороною подводили къ нему, и, кромѣ того, будучи самостоятельными цѣлыми въ своемъ образномъ строѣ, часто привлекали слушателей къ самостоятельно-развитому образу, и за этимъ образомъ не давали видѣть то, что подѣ нимъ скрывается. Иногда нарочито одеждою образа притчи прикрывалъ Спаситель святую истину, и многимъ слушателямъ притчи казались не яснымъ внутренній смыслъ ея. Такихъ притчей, полуоткрывающихъ только истину, довольно между сохранившимися до насъ въ Евангеліи. Объ нихъ, объ ихъ содержаніи говорилъ Господь Іисусъ Христосъ: *не можете носить нныя; воззвѣщу вамъ послѣ, или: Духъ Святый научитъ вы всему*. Изъясненія этихъ притчей просили у Него Его ближайшіе ученики, и, изъясняя ихъ по просьбѣ учениковъ, Господь прибавлялъ: *вамъ дано есть разумѣти тайны царствія Божія, оныя же (т. е. всему народу) въ притчахъ*. Прикровенность приточнаго ученія была въ этомъ случаѣ какъ бы

будильникомъ для религіознаго сознанія и для благочестиваго размышленія. Если оно падало на души людей, ищущихъ религіознаго наставленія и расположенныхъ къ принятію его, то тотчасъ же производило въ нихъ невольное напряженіе мысли. Слыша содержательное ученіе, но не постигая его, они старались проникнуть въ глубину его, вникали въ него, подходили къ предмету его съ разныхъ сторонъ, чтобы вполне усвоить его. Наглядный образъ помогать имъ удерживать въ головѣ то, чего они не поняли ясно, и они посились съ нимъ до тѣхъ поръ, пока онъ не переставалъ быть для нихъ въ какомъ либо отношеніи загадкою. Известно, какъ сильно загадка нудитъ мысль добиться ея разрѣшенія. Это стремленіе къ разрѣшенію загадки находитъ свое мѣсто и при слушаніи непонятной притчи. Если у человека, интересующагося истинною, и не найдется собственной силы къ уясненію таинственныхъ сторонъ притчи, онъ обратится за совѣтомъ и помощію къ другому, и не успокоится дотолѣ, пока не выразумѣетъ того, что сказало ему. Такъ ученики Спасителя, когда слышали отъ Него въ бесѣдахъ къ народу невразумительныя притчи, выжидали случая для особенной нарочитой бесѣды съ нимъ, и просили Его выяснить имъ то, что имъ казалось непонятнымъ. И Спаситель послѣ этого, т. е. послѣ усиленныхъ стремленій къ уясненію прикровеннаго ученія, говорилъ имъ: вамъ (какъ людямъ, усиливающимся выразумѣть неясное) дано разумѣть тайны царствія Божія. Даже если бы въ короткое данное время не нашлось желаннаго разрѣшенія искомой истины, на доброй почвѣ она не умерла бы, облеченная въ образъ, а отъ постепеннаго размышленія постоянно раскрывалась бы и при благоприятныхъ обстоятельствахъ непременно освѣтилась бы яснымъ пониманіемъ.

Эта работа углубленія въ предметъ, работа самодѣятельнаго усвоенія предлагаемаго ученія имѣетъ очень важное

значение въ дѣлѣ религиозной христіанской истины. Ученіе Христово не было мертвымъ словомъ, и божественный Учитель, проповѣдуя слово истины, искалъ не одного страдательнаго усвоенія ея: такое усвоеніе было бы не крѣпко и бесплодно. Онъ хотѣлъ, чтобы слово истины, Имъ проповѣдуемой, вошло въ плоть и кровь Его слушателей, сдѣлалось частію ихъ живаго духовнаго существа и, какъ прививокъ хорошаго дерева, измѣнило недоброкачественные соки ихъ внутренней природы въ доброкачественные. Для этого именно нужно было возбужденіе самодѣятельной работы души: иначе самое животворное начало, вошедши въ сухую природу, лишенную энергіи движенія, и не нашедши въ ней отклика на свое возбужденіе, исхло бы и замерло бы въ ней. Спаситель сравниваетъ свое ученіе съ сѣменемъ, бросаемымъ въ землю (Матѣ. XIII, 24). Чтобы сѣмя отродилось и сдѣлалось растеніемъ, нужно для него приготовить болѣе или менѣе удобренную почву, способную воспринять ввергаемое въ нее сѣмя и дать пищу и опору его растительной силѣ. Если сѣмя падетъ на почву не приготовленную, каменистую и сухую,—оно погибнетъ въ ней и не дастъ ростка. Нѣкоторая загадочность или сокровенность приточнаго изложенія была, такъ сказать, однимъ изъ средствъ удобренія духовной почвы: она поднимала на работу дремавшія въ ней добрыя силы, давала ходъ гложимымъ въ ней живымъ элементамъ, и восприѣмлемость страдательную претворяла въ восприѣмлемость дѣятельную.

Обыкновенному расчету были непонятны соображенія божественной мудрости, считавшей нужнымъ облекать полутайственнымъ покровомъ святую истину. Добрымъ желаніямъ простоты казалось лучше и цѣлесообразнѣе говорить о предметахъ богословія прямо и открыто, чѣмъ прибѣгать къ загадочнымъ притчамъ. Тогда (думалось людямъ) съ-разу всѣ уразумѣли бы смыслъ ученія, преподаваемаго Господомъ, и

напрасно не терялось бы то слово, которое при совершенномъ смыслѣ притчи пропадало отъ непонятливости слушателей. Отсюда родъ мягкаго упрека или недоумѣнія слышится въ словахъ учениковъ Спасителю: *почто притчами глаголетъ имъ*, т. е. народу (Матѳ. XIII, 10)? На это недоумѣніе Спаситель замѣтилъ своимъ ученикамъ, что въ мірѣ нравственной дѣятельности не все опредѣляютъ собою добрыя желанія, и что не съ ними одними нужно сообразоваться дѣятелю, призванному улучшать нравственный бытъ человѣчества. Кромѣ добрыхъ желаній, кромѣ мудрости Учителя, здѣсь многое зависѣло отъ воспріемлемости слушателей. Въ комъ не было этой воспріемлемости, въ комъ не раскрыто было чувство истины и чувство божественнаго, для тѣхъ все равно осталось бы безплоднымъ слово божественной мудрости, какъ бы оно ни предлагалось, въ формѣ ли притчи, заставляющей вдуматься въ себя для полнаго уразумѣнія, или въ формѣ прямого не прикровеннаго ученія. И простое неприкровенное ученіе истины прошло бы мимо головы такихъ людей и не задерживалось бы въ ней, если въ ней нѣтъ соприкосновенныхъ притягивающихъ элементовъ, оставивъ ихъ въ такомъ случаѣ безотвѣтными предъ судомъ правды Божіей за отверженіе таланта, имъ предлагаемаго. Притча по крайпей мѣрѣ задавала вопросъ, прямо вызывающій мысленную работу, и силою этого вопроса она хотѣла удержать сѣмя истины на почвѣ, не приготовленной къ ея принятію. Если бы слушатели ея хотѣли внимнуть въ силу этого вопроса, еслибы ощутили толчокъ, данный этимъ вопросомъ, для нихъ тотчасъ же сталъ бы открываться мало по малу внутренній смыслъ приточнаго ученія, какъ онъ открывался для ближайшихъ учениковъ Господа, имѣвшихъ сердце, открытое для вещей божественныхъ. Такимъ образомъ кто не понималъ притчей Спасителя,—не понималъ потому, что не хотѣлъ понять, не имѣлъ внутрен-

наго расположенія къ принятію содержащагося въ нихъ ученія: притча залегла въ его памяти и замерла. А у кого было живое чувство истины, для тѣхъ притча оказывалась производительнымъ сѣменемъ, и сокрытое подъ формою притчи, прежде неясное, со временемъ разяснялось и усвоялось жаждущей душѣ. Таковъ законъ нравственной жизни, что все виѣшнее тогда только дѣйствуетъ на человѣка и усвоется имъ, когда есть внутренній дѣятельный откликъ на виѣшнее возбужденіе; и самое могущественное вліяніе сторонней силы не достигаетъ въ нравственномъ мірѣ своей цѣли, когда на него не отвѣчаетъ свободная воля человѣка. Такой смыслъ имѣютъ слова Господа Іисуса Христа, данныя для успокоенія учениковъ Его, не понимавшихъ, зачѣмъ Онъ говоритъ прикровенными притчами. *Ико вамъ дано есть разумѣти тайны царствія небеснаго, опытъ же не данъ есть. Иже бо иматъ, дастся ему, и преизбудетъ ему: а иже не иматъ, и сже иматъ, возмется отъ него. Сего ради въ притчахъ глаголю имъ, яко видяще не видятъ, и слышаще не слышатъ, ни разумѣютъ. И сбывается въ нихъ пророчество Ісаіино, глаголющее: слухомъ услышите, и не имате разумѣти: и зряще узрите, и не имате видѣти. Отогнетъ бо сердце людей сихъ, и ушима тяжко слышаша, и очи свои смѣжиша, да не когда узрятъ очима, и ушима услышатъ, и сердцемъ уразумѣютъ, и обратятся и исцѣлю ихъ. Ваша же блаженна очеса, яко видятъ, и уши ваши, яко слышатъ (Матѣ. XIII, 11—17).*

Наконецъ притчи въ ученіи Спасителя оказывались нужными для сообщенія мягкости жесткимъ истинамъ, идущимъ въ разрѣзъ съ предубѣжденіями и предразсудками народа или съ желаніями и надеждами самообольщенного самолюбія: прикрывая образомъ или несобственнымъ выраженіемъ неумолнмую правду и не поражая съ-разу непривычнаго къ ней

глаза, онѣ замедляли дѣйствіе правды, колющей глаза, и тѣмъ уменьшали ея рѣзкость и горечь. Черезъ это устранялось то отталкивающее впечатлѣніе, какое способна производить неожиданная и нежеланная правда на загрубѣлыя или самолюбивыя сердца, и эти сердца околичными занимательными разсказами неясныхъ съ перваго раза притчей невольно притягивались къ слушанію непріятныхъ, не мирящихся съ ихъ настроеніемъ, вещей. Между тѣмъ какъ въ своемъ прямомъ видѣ эти вещи едва ли бы могли быть выслушаны охотно и миролюбиво.

Мы замѣчаемъ, что Господь Іисусъ Христосъ любилъ облекать въ образы притчей ученіе о своемъ духовномъ царствѣ. Здѣсь дѣйствовалъ не одинъ тотъ расчетъ, что до пониманія духовнаго царства Христова не доросли Его слушатели, и потому разными сравненіями и аналогіями нужно было постепенно вести къ истинѣ ихъ плотяное разумѣніе. Предразсудки народные, въ которыхъ выросли и погрязали іудеи, воспринимавшіе ученіе Христово, въ этомъ случаѣ вынуждали у Него прикровенную форму притчей. Ожиданія, съ какими іудеи относились къ Мессіи, насквозь проникнуты были темною чувственностію. Іудеи надѣялись, что Мессія, когда явится, освободитъ ихъ отъ иноплеменнаго ига и оснуетъ царство, въ которомъ они будутъ блаженствовать, жить въ довольствѣ и роскоши, и въ которое, въ качествѣ рабовъ и служителей ихъ, войдутъ всѣ народы земные. Если бы Спаситель сказалъ имъ прямо и рѣшительно, что совсѣмъ не этого они должны ожидать отъ Него, и что напротивъ Его послѣдователямъ будетъ угрожать огонь и мечъ, бѣдность и гоненіе, едва ли бы они захотѣли слушать Его и едва ли бы стали имѣть въ Него вѣру. Евангелистъ Іоаннъ замѣчаетъ,

*

что многие изъ учениковъ Его отошли отъ Него и уже не ходили съ Нимъ (Іоан. VI, 66), когда слышали отъ Него прямую рѣчь, и Спаситель увидѣлъ силу и общность этого впечатлѣнія, и потому и къ двѣнадцати избраннымъ ученикамъ своимъ обратился съ вопросомъ: не хотите ли и вы отойти (Іоан. VI, 67)? Другой разъ, когда Господь излагалъ ученіе объ истинной свободѣ,—свободѣ отъ грѣха и добровольномъ страданіи своемъ за людей, іудеи замѣтили Ему: самарянинъ еси Ты, и бѣса имашь (Іоан. VIII, 48); бѣса имать и неистовъ есть: что Его послушаете (Іоан. X, 20)? Они даже взяли камни и хотѣли побить Его, и когда Спаситель спросилъ ихъ: за кое дѣло камнемъ мечете на Мя? отвѣчали: о добръ дѣла камень не мечемъ на Тея, но о хуль: яко Ты человекъ сынъ творещи Себе Бога (Іоан. X, 32—33).

Основанія, заставлявшія Спасителя ифировенно излагать ученіе о духовномъ характерѣ основываемаго Имъ царства предъ слухомъ предубѣжденныхъ людей, еще болѣе имѣли мѣста, когда нужно было Ему сдѣлать обличеніе или преподать назидательный урокъ гордости и ослабленію Его сильныхъ и ожесточенныхъ враговъ. Въ этомъ случаѣ Его божественная мудрость какъ бы предуказала послѣдующимъ учителямъ церкви тотъ методъ или тотъ путь, какой удобнѣе всего и пригоднѣе для цѣли, когда нужно бороться съ пороками знатныхъ, готовыхъ не допустить открытаго слова обличителю, хотя бы онъ облеченъ былъ полномочіемъ церкви, и отвѣчающихъ гордымъ невниманіемъ или прямымъ поглованіемъ, когда назиданіе является предъ ними съ жесткимъ, колючимъ словомъ простосердечнаго неумѣлаго порицанія. Книжникамъ и фарисеямъ, надменнымъ своимъ знаніемъ закона и своею святостію, считавшимъ себя избранными изъ

избранныхъ, говорить Спаситель въ притчѣ слово обличенія: они слушаютъ притчу, еще не зная, къ чему она поведетъ; потомъ они чувствуютъ, что притча полна горькаго обличенія, и что это обличеніе касается прямо ихъ и народа, имъ руководимаго; но чувство приличія не позволяетъ имъ выступить на открытую борьбу съ мудрымъ обличителемъ, и назиданіе выслушивалось до конца и всю силою ложилось на то сердце, къ которому было обращено, и только ожесточеніе могло препятствовать ему воспользоваться урокомъ, такъ мудро ему предложеннымъ. Читайте притчи о двухъ сынахъ, посланныхъ въ виноградникъ (Матѣ. XXI, 28—33), о господинѣ, посадившемъ виноградникъ и пославшемъ къ виноградарямъ сначала своихъ слугъ, а потомъ и сына своего (Матѣ. XXI, 33—44), о человѣкѣ, сотворившемъ брачное пиршество и пославшемъ рабовъ приглашать гостей на это пиршество (Матѣ. XXII, 1—14): въ нихъ такое сильное и горькое обличеніе, какого ни отъ кого, кромѣ Спасителя, не слышали іудейскіе книжники и начальники. Между тѣмъ они съ замѣтнымъ вниманіемъ выслушивали притчи, рядомъ слѣдовавшія одна за другою, сами высказали приговоръ, заслуженный ими, когда Спаситель спросилъ ихъ, что сотворить господинъ винограда злымъ дѣлателямъ его (Матѣ. XXI, 41),—и уже не мудрость Учителя виною, если за всѣмъ тѣмъ урокъ остался безъ плода для нихъ. Евангелистъ, передавая эти притчи, замѣчаетъ, что первосвященники и фарисеи поняли, что Онъ объ нихъ говоритъ, и старались схватить Его; но побоялись народа, потому что Его почитали за пророка (Матѣ. XXI, 45—46). Доказательствомъ плодотворности такого рода обличенія, если оно падаетъ не на ожесточенныя души, служить примѣръ Наана, представшаго къ Давиду

— 418 —

съ жалобою на богача, который будто похитилъ у бѣдняка послѣднюю овцу. Не подозрѣвая ничего, царь Давидъ съ гнѣвомъ признаетъ этого богача достойнымъ смерти. Тогда Наанъ открываетъ разгнѣванному царю прямой смыслъ своего разсказа, и въ Давидѣ заговорила спавшая совѣсть, и для исторіи явился въ немъ образецъ рѣдкаго покаянія.

(Ожиданіе будетъ).

В. Пышницкій.